

М. В. Ермолова
(Москва)

О некоторых глагольных особенностях в западнорусских летописях (сочетания «*быти* + причастие на *-ъиш/-въиш-*», плюсквамперфект)

В статье анализируются некоторые особенности функционирования глагольных форм в западнорусских летописях. В первой части статьи приводятся обнаруженные контексты с сочетанием «*быти* + причастие на *-ъиш/-въиш-*». Это сочетание крайне редко встречается в древнерусских текстах. Тем не менее сама возможность его использования очень показательна и важна для понимания истории развития временной системы русского языка. Рассматриваемая конструкция употребляется в перфектных и плюсквамперфектных контекстах, что позволяет сделать вывод о существовавшей некогда функциональной синонимии перфекта/плюсквамперфекта и сочетания «*быти*+причастие на *-ъиш/-въиш-*». Материал западнорусских летописей позволяет пополнить список известных примеров с данным сочетанием еще двумя контекстами.

Во второй части рассматриваются особенности функционирования плюсквамперфектных форм. В исследованных текстах было обнаружено несколько примеров, в которых вспомогательный глагол стоит в форме аориста, что очень неожиданно для таких поздних текстов: такая форма плюсквамперфекта встречается только в древнейших текстах. В статье обсуждаются возможные объяснения этого явления. Если говорить о семантике, то в западнорусских летописях представлены все основные значения плюсквамперфекта: перфекта в прошедшем, антирезультатива и давнопрошедшего. Преобладают в текстах первые два значения. Сопоставление обнаруженных примеров с материалом других западнорусских текстов позволяет высказать предположение о развитии значения сверхсложных форм от результативной семантики к семантике давнопрошедшего; сравнение же с данными говором Центра того же периода — о более позднем завершении перестройки временной системы в западнорусском регионе.

Ключевые слова: западнорусские летописи, действительное причастие прошедшего времени, плюсквамперфект, древнерусский язык.

1. Введение

Западнорусское летописание развивалось в Смоленске и Полоцке в XIV–XVI вв. К западнорусским летописям (далее ЗРЛ) относятся «краткие летописные своды, содержащие сказания о событиях, касающихся бывшего Литовского государства» [Карский 1894/1962: 208]. В данной работе рассматриваются следующие тексты¹: Супрасльская летопись 1519 г. (далее Супр.), Виленская летопись кон. XV в. (далее Вил.), летопись Археологического общества XVI в. (далее Арх.), Уваровская летопись первой четверти XVI в. (далее Ув.), Академическая летопись сер. XVI в. (далее Ак.), Литовскому роду починок (далее ЛРП) в рукописи XVI в.²

ЗРЛ написаны на так называемой «простой мове», представляющей собой литературно обработанную, «надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода» [Мозер 2002: 221]. При всей сложности определения генезиса «простой мовы» и вопроса о ее нормированности, анализ функционирования определенных форм языка конкретного памятника (в нашем случае — ЗРЛ) представляется оправданным и перспективным: «проста мова», являясь книжным языком, в любом случае «базируется на живом языке, изменяясь вместе с ним» [Смирнова 2011: 19]. Таким образом, изучая те или иные явления письменного западнорусского языка, мы можем делать выводы о процессах, происходивших в диалектах, легших в его основу.

¹ Тексты воспроизводятся по изданию [ПСРЛ, т. 17].

² Согласно записи, сделанной в конце рукописи, *Супр.* была переписана в 1519 г. Она является наиболее полным списком второй редакции Белорусско-литовской летописи 1446 г., составленной в Смоленске на основании русских и местных источников [Чамярыцкі 2005: 645]. *Вил.* составляет конец Виленского сборника, переписанного в конце XV в. в Смоленске (подробнее см. [Улащик 1985: 51]), и представляет собой старейший список «Летописца великих князей литовских» — памятника, составленного в конце 1420-х гг. [Чамярыцкі 2005а: 190–191]. *Арх.* написана полууставом XVI в. Является списком второго свода белорусско-литовских летописей расширенной редакции, созданного в конце 1510-х или в 1520-е гг. [Чамярыцкі 2005а: 190]. *Ув.* сохранилась в рукописи первой четверти XVI в. [Улащик 1985: 48], была создана, вероятнее всего, в Слуцке. Летопись представляет собой краткую редакцию Белорусско-литовской летописи 1446 г. (подробнее см. [Чамярыцкі 1969]). *Ак.* находится в сборнике сер. XVI в. [ПСРЛ, т. 17: III]. Как и *Супр.*, является списком второй редакции Белорусско-литовской летописи 1446 г. [Чамярыцкі 1969: 28 и далее]. *ЛРП* является отдельным летописным сводом, созданным в кон. XIV в. Дошел до нас в составе Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского XVI в.

В данной статье анализируются некоторые глагольные особенности, отмеченные при анализе ЗРЛ. В разделе 2 приводятся обнаруженные контексты с сочетаниями «*быти* + причастие на *-ъи/-въи-*», редко встречающиеся в древнерусских текстах, однако, как представляется, важные для понимания развития временной системы русского языка. В разделе 3 описываются особенности функционирования плюсквамперфектных форм. В подразделе 3.1 приводятся контексты, в которых вспомогательный глагол представлен в форме *бы*, и обсуждаются возможные объяснения данного явления. В подразделе 3.2 анализируется семантика обнаруженных плюсквамперфектных форм. Материал ЗРЛ сопоставляется с данными, полученными М. Н. Шевелевой и Т. С. Жуковой при анализе других памятников XV–XVI вв.: Никоновской летописи как памятника, отражающего говоры Центра, и двух юго-западных памятников: Пересопницкого евангелия (далее ПЕ) и «Страстей Христовых» (далее СХ) (см. [Шевелева 2009; Жукова, Шевелева 2010]). В разделе 4 формулируются выводы.

2. Сочетания «*быти* + причастие на *-ъи/-въи-*»

Сочетания «*быти* + причастие на *-ъи/-въи-*» крайне редки в древнерусских и старорусских текстах. Помимо трех примеров, обнаруженных А. А. Потебней [Потебня 1888/1958: 138–139], и четырех, описанных в [Скачедубова 2018], нам известны еще два контекста из Жалованной грамоты Олега Рязанского 1371 г.³:

- (1) *ѡзъ князь великий ѡлегъ ивановичь. сѡдавъ кѡмъ съ своимъ ѡцѡмъ съ в(д)кою с василькѡмъ и съ своимъ бояры ... далъ ѡсмъ ѡцѡ своимъ арѡбнью монастырь сѡокъ бѡи на ѡговѡ. въ свободѡ до кѡ живота — ‘я, великий князь Олег Иванович, договорился со своим отцом, с владыкою Василием и со своими боярами...’;*
- (2) *а возрѡвъ кѡмъ въ даныи грамоты — ‘я посмотрел (прочел) данные грамоты’.*

Материал ЗРЛ позволяет пополнить этот список еще двумя примерами:

- (3) Супр., л. 90: *ѡ кнѡзю великому Ягаилоу. ничего не вчинилъ. не роушинвъ есмо ни скарбовъ его ни ста(д) а сами оу мене не в ѡлтѡстве ходатъ. толко за малою сторожею — ‘я князю великому Ягайлу ничего не сделал; не грабил ни имущества его, ни стад. А сами у меня не в плену, а только под небольшой охраной’;*

³ Текст воспроизводится по [Хрестоматия по истории русского языка: 91].

- (4) Ак., л. 181: **и взѧ его и нача его лѣчити многими лѣкарьствы и главѣ емѣ постриже рань ра(ди) занѣ много р(а)нень и уцавса бѣ живота** — ‘и взял его, и начал лечить многими лекарствами, и постриг его из-за ран, так как был сильно ранен и потерял надежду выжить’.

Хотя рассматриваемое сочетание встречается в памятниках редко, сама возможность его употребления очень показательна и важна для понимания истории развития временной системы в русском языке. По всей видимости, причастие на *-ъи/-въи-* в сочетании с глаголом *быти* в настоящем (см. (1–3)) или прошедшем (см. (4)) времени могло использоваться в качестве аналога формам перфекта и плюсквамперфекта соответственно. Как и перфектные формы, конструкция причастия с глаголом *быти* в настоящем времени употреблялась в различных перфектных значениях⁴. Так, в примерах (1–2) мы имеем дело с результативной семантикой: (1) ‘я уговорился (= мы находимся в уговоре) и, как следствие, даю монастырь’, (2) ‘я посмотрел в старые грамоты (= теперь знаю их содержание) и велю соблюдать условия, прописанные там’. В контексте (3) представлено экзистенциальное значение⁵ — утверждение о наличии (в нашем случае — отсутствии) ситуации в определенный момент в прошлом. В (4) анализируемое сочетание имеет классическое плюсквамперфектное значение и выражает предпрошедшее результативное действие: ‘постриг его, так как он был сильно ранен и <к тому времени> потерял / был потерявшим надежду выжить’.

Таким образом, рассмотренные примеры, в которых конструкция «*быти* + причастие на *-ъи/-въи-*» имеет перфектную или плюсквамперфектную семантику, подтверждают высказанную в [Ермолова 2020] гипотезу о функциональной синонимии причастий на *-ъи/-въи-* и *-л-* формы.

3. Плюсквамперфект

3.1. Форма

В истории русского языка различают так называемый «книжный» плюсквамперфект, где глагол *быти* стоит в имперфекте или аористе от имперфективной основы (**бѣше(тъ) / бѣ шьлъ**), и «русский» или сверхсложный плюсквамперфект, в котором глагол *быти* употребляется в форме

⁴ О значениях перфекта в древнерусском см., например, [Шаяхметова, Жолобов 2017: 1170; Плунгян, Урманчиева 2017].

⁵ Это значение входит в спектр значений перфекта в разных языках; им также характеризовался перфект в старославянском (см. [Плунгян, Урманчиева 2017а: 31]).

перфекта⁶ ((*есть*) *былъ шьлъ*), вытеснивший с течением времени «книжные» формы. Закономерным является тот факт, что в ЗРЛ на 45 плюсквамперфектных форм приходится всего 3 «книжных», при этом две из них представляют собой один древний контекст, повторяющий контекст из Суздальской летописи (третья рассматривается в (10)):

- (5) Супр., л. 11 об.: *wna же рече не хоцю розоу҃ти ровичица. но Гѣрополка хоцю. бѣ во Роговолодѣ пришеелѣ. изаморина имѣ во власть свою в Полъцкоу* (аналогичный контекст см. в Ув. 81) — ср. пример из Суздальской летописи: л. 99 об. *wna же ре(чѣ) не хоцю розоу҃ти ровичица. но Гѣрополка хоцю. бѣ во Роговолодѣ перешеелѣ из заморья.*

Как уже обсуждалось выше, глагол-связка при образовании «книжного» плюсквамперфекта обычно стоял либо в аористе от имперфективной основы, либо в имперфекте. Д. В. Сичиновой в статье [Сичинова 2004], посвященной происхождению славянского условного наклонения из плюсквамперфекта, на основании типологических данных было выдвинуто предположение о существовании некогда праславянской плюсквамперфектной формы с *бухъ*. Позже такие формы были открыты и в древнерусской письменности [Крысько 2011: 830–831; Скачедубова 2016: 286–287; Скачедубова 2019: 219; Сичинова (в печати)]. Формирование у рассматриваемого сочетания кондиционального значения связано, согласно гипотезе Д. В. Сичиновой, с «ингерентным развитием плюсквамперфектных конструкций в сторону ирреальной семантики» [Сичинова (в печати)]. Как кажется, именно в этом контексте следует рассматривать следующие примеры из ЗРЛ:

- (6) Вил., л. 446 об.: *Ви(л)невци же тог(д)а не вдашасѣ емѣ. зане бы тогда пра(в)доу да(л) королю Гкирганлѣ;*
- (7) ЛРД, л. 493: *Виленцы (ж) тогда не дашасѣ емѣ зане бы тогда правдѣ да(л) королю Гкирганлоу w(н) же тогда не во(з)мѣ Вилене и понде к магистрѣ и (с) своєю княгиню и съ своими кня(з)ми. и Ѡтолѣ нача воевати Лито(в)скѣю землю с Немецкою помощию. ти оу(ж) вза(л) бы Лито(в)ские земли по рекѣ по Велию Полоцкскѣ гра(д) зда(л)сѣ емѣ — нет сомнения, что анализируемые формы имеют плюсквамперфектное значение (см. ниже (10) и (11)). Тем не менее вспомогательный глагол *быти* представлен не в форме имперфективного аориста или перфекта, а в виде *бы*. Возможно несколько объяснений данного явления, однако все*

⁶ В. И. Чернов полагает, что сверхсложная форма образовывалась сочетанием вспомогательного глагола *был-* и перфекта знаменательного глагола [Чернов 1961: 16].

они носят гипотетический характер, так как для того, чтобы признать какое-либо из них более или менее вероятным, материала недостаточно.

В приведенных контекстах можно видеть архаичную форму плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола и считать форму ед. ч. *бы* ошибочной (вместо формы *быша* мн. ч.). Аорист и имперфект в языке ЗРЛ явно являются искусственными образованиями, в них часто встречаются ошибки, поэтому можно предполагать, что писец допустил ошибку при переписке и заменил чуждую ему форму *быша* на более привычное *бы*, которое, перестав спрягаться в сослагательном наклонении, впоследствии стало частицей.

С другой стороны, Д. В. Сичинава отмечает, что с XVI в. в русском языке отмечаются употребления частицы *было* с модальными глаголами вместо *бы*: *надо было*, *надлежало было*, *могло было* вместо *надо бы*, *надлежало бы*, *могло бы* [Сичинава 2013: 223, 279]. Примеры с таким употреблением рассматриваются исследователем в рамках смешения плюсквамперфектного *было* и сослагательного *бы* [там же]. Д. В. Сичинава отмечает, что, «возможно, некоторые поздние примеры смешения плюсквамперфекта и сослагательного наклонения могут также объясняться свойственной первому семантической эволюцией в сторону модальности»; «если с некоторым классом глаголов плюсквамперфектное *был-* синонимично *бы*, смешение теоретически могло распространиться и на другие контексты» [Сичинава (в печати)]. Можно предположить, что если плюсквамперфектные по происхождению формы могли использоваться «вместо» форм сослагательного наклонения, то и формы сослагательного наклонения использовались «вместо» плюсквамперфектных форм. При таком объяснении становится понятным использование *бы* вместо *быша*: ко времени написания анализируемых памятников *бы* в сослагательном наклонении уже стало частицей и не изменялось. Недостаток этой гипотезы заключается в том, что других, кроме приведенных выше, подобных примеров в научной литературе не зафиксировано.

Результатом контаминации и ошибки следует признать следующий контекст (значение рассматриваемой формы анализируется в (20)):

- (8) ЛРД, л. 487: **Нѣто** паки **бы(л)** оу великого кнѣзя **W(л)**герда паровокъ неволнои холо(п) звали его **Воннилomъ** первое **бы(л)** пекрако(м). **Потомъ** оустави(л) его **Ѹ** собѣа постелю стлати. и воды пити подати собѣ. **Потомъ** паки полюби(л)ся **бы(л)** емѸ **вє(л)**ми **да(л)** **бы(х)** емѸ **ЛитѸ** дрѣжати и повѣле(л) **бы(л)** его в добрыє — здесь употреблено

ед. ч. вспомогательного глагола вместо мн. ч. Впрочем, последний согласный является выносным, и вполне возможно, что здесь мы имеем дело с ошибкой издателей (выносные буквы *х* и *л* можно перепутать), а за приведенным в издании *бых* скрывается *был*.

3.2. Значение

В истории развития плюсквамперфекта в древнерусском выделяют несколько основных значений. Все они представлены в западнорусских летописях.

3.2.1. Перфект в прошедшем

В последнее время исследователи сходятся на том, что древнерусский «книжный» плюсквамперфект исконно не просто был таксисным временем, обозначающим предпрошедшее действие [Горшкова, Хабургаев 1981: 304], а имел аспектуальное значение перфектности в прошедшем [Шевелева 2007: 216]. В отношении того, имел ли результативное значение «русский» плюсквамперфект, мнения исследователей расходятся. Так, П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава считают, что сверхсложная форма использовалась прежде всего для указания на неактуальное прошедшее [Петрухин, Сичинава 2006: 234–235; Сичинава 2013: 196–197]. М. Н. Шевелева придерживается точки зрения, что «новые» и «старые» формы значением не различались: «Старый и новый плюсквамперфект оказываются... распределенными не по значению, а по более-менее характерным для них типам употребления: старый плюсквамперфект — это форма прежде всего нарратива, новый — прежде всего прямой речи» [Шевелева 2007: 245].

Если говорить о XV–XVI вв., то в говорах Центра «русский» плюсквамперфект в результативных контекстах не употребляется (он выступает исключительно как маркированное средство выражения антирезультативности, см. ниже) [Шевелева 2009]. В памятниках же Юго-Западной Руси, по данным Т. С. Жуковой и М. Н. Шевелевой, для сверхсложных форм наиболее характерным оказывается именно результативное значение [Жукова, Шевелева 2010]. Отмечается оно и в исследованных летописях. В ЗРЛ было найдено 6 результативных контекстов, повторяющихся в разных летописях (всего 17 форм из 43). Рассмотрим их:

- (9) Ув., л. 10: и какъ к Виани приехавъ. кнѣзѣ Кестоутиа дядю своего. шковавши ко Кревоу послалъ и оусадилн оу вижю. а кнѣзѣ великаго Витовта **вставилн были** еше оу Виани и тамо оу Креве патал ноци. кнѣзѣ вѣликаго Кестоутиа оудавилн. коморники кнѣзѣ великаго

Гданювы (контекст повторяется в Ак., л. 177 об., ЛРП, л. 490 об., Арх., л. 64) — основной линией повествования является рассказ о взятии в плен и убийстве князя Кестута: ‘и, приехав к Вильне, заковал дядю своего, послал его в Крево и посадил в башню’. Далее происходит отход от основной линии повествования с использованием плюсквамперфекта: ‘а великого князя Витовта оставили / были оставившими еще в Вильне’ (это произошло до того, как заточили Кестута). После этого рассказчик опять возвращается к основной сюжетной линии и продолжает повествование о Кестуте: ‘и там в Креве на пятую ночь коморники великого князя Ягайла удавили великого князя Кестута’;

- (10) Ув., л. 20: **Вилневец(ж). тогда не оудашася емоу. зане(ж) тогда были** королю правдѣ **дали** и **Скиргайлоу** (контекст повторяется в Супр., л. 98, где представлена ошибочная форма «книжного» плюсквамперфекта со связкой в ед. ч. вместо мн. ч.: **бѣ дали**, а также в Вил. и ЛРД, примеры из которых рассмотрены в (6–7)) — ‘Вильнюсцы тогда не покорились ему, так как принесли присягу / были принесшими к тому времени присягу королю и Скиргайлу’;
- (11) Супр., л. 98 об.: **Втоле нача воевати Литовскоу землю. с Немецкою** помо(ч)ю. и **оуже вздалъ вы(л)** Литовской земли. по **Велию** рекоу а и **Полѣтскъ** вдалсѣ емоу. и **оузриль** король и **кнѣзь** великий **Скиргайло**. **так оуже** невозможнѣ оудержати земли **Литовьскыа** пре(д) великимъ **кнѣземъ** **Витовтомъ**...**бѣ** поможе великому **кнѣзю** **Витовтоу**. и **побежени** **выша** **Литовьски** **вон** (контекст повторяется в Ув., л. 20, Ак., л. 182, Вил., л. 446 об., а также ЛРП, л. 493, пример откуда рассмотрен в (7)) — ‘и начал завоевывать Литовскую землю с немецкой помощью, и <к тому моменту, когда> уже завоевал / был завоевавшим Литовскую землю до реки Вилии и Полоцк ему сдался, увидел король и великий князь Скиргайло, что невозможно удержать Литовскую землю перед великим князем Витовтом’;
- (12) ЛРП, л. 492 об.: и **нача** его **лечити** **главѣ** **емѣ** **постриже** **ра(н)** **для** **зане(ж)** **много** **ране(н)** **Вѣча(л)** **вы(л)** **собѣ** **живота** — данный контекст совпадает с контекстом из Ак., л. 181 (см. комментарий к (4));
- (13) Арх., л. 91 **вода** **была** **ве(л)**ми **великая** **в** **Смоленскѣ** **все** **мѣсто** **поняло** **было** **мало** **не** **дошла** **до** **Покровское** **горы** — ‘в Смоленске было наводнение, весь город был залит / оказался залитым, [вода] чуть не дошла до Покровской горы’.

Результативное значение представлено и в примере (5) с «книжным» плюсквамперфектом: ‘Рогволод был пришедшим из-за моря и (как результат) находился, правил в Полоцке’.

3.2.2. Антирезультативное значение

Реже, чем результативное значение, «книжный» плюсквамперфект имел значение недостигнутого или аннулированного результата (или антирезультатива в понимании [Плунгян 2001]), обозначая действие, которое не было достигнуто или позднее было отменено, ср. КЛ, л. 180 об.: **и много дѣѣ ѿполониша. иже бѣхуѣтъ възданѣ половци** ‘и освободили много людей, которых захватили половцы’ — действие **бѣхуѣтъ възданѣ** было аннулировано, так как пленники были освобождены (подробнее см., например, [Шевелева 2007: 237]). Это значение было одним из основных и для сверхсложных форм в древнерусском (о его исконности или вторичности см. работы [Петрухин, Сичинава 2006; Шевелева 2008]).

В XV–XVI вв. в диалектной зоне Центра «русский» плюсквамперфект имел исключительно антирезультативную семантику, «развиваясь по пути превращения в современную русскую конструкцию «недействительного наклонения» [Шахматов 1941: 485] с частицей *было*» [Шевелева 2009: 29]. В диалектах Юго-Западной Руси XV–XVI вв. это значение, напротив, находилось на периферии (там же: 39). В исследованных памятниках было обнаружено 6 антирезультативных контекстов, повторяющихся в разных летописях (всего 13 форм из 43):

- (14) Супр., л. 89: **кнѣзь великий Ягаило далъ бы(л) По(л)тескъ братоу своему. Скиргайлоу и уни его не приняли** (контекст повторяется в Ак., л. 173 об., Вил., л. 439 об., ЛРП, л. 488) — ‘князь Ягаило дал / дал было Полоцк своему брату Скиргайлу, но они (полочане) его не приняли’;
- (15) Ув., л. 45 об.: **и король почалъ присылатиса к великому кнѣзю Витовтоу. рекъ што еси на(м) да(л) половицю По(д)льскон земли оу кѣ тысячехъ пенежи и мы дали были оу кѣ же тысячехъ па(н)у Спыткѣ и пани Спытковага ш(в)довела. а дети малы. и ѿ Татаръ земли некому воронити. и ты ѿдан кѣ тисачи пенажен. а города повери за себе** (контекст повторяется в Супр., л. 105 об.) — ‘король начал посылать послов к великому князю Витовту, говоря: «Ты нам дал половину Подольской земли за 20 тысяч, и мы дали / дали было 20 тысяч пану Спытку, а его жена сейчас овдовела, а дети маленькие, и от татар землю некому защищать. Отдай нам обратно 20 тысяч, а города заведи себе»’;
- (16) Арх., л. 80: **и мешкаючи емѣ в Велико(м) Лу(ц)кѣ и хотѣ(л) бы(л) на себя корѣнѣ воз(з)ложити, и его неприятели Поляки не перепустили емѣ корѣны** — ‘и живя в Великом Лучке хотел / хотел было на себе возложить корону, но его враги поляки не позволили ему’. В следующем

контексте речь идет о том, что Ягайло сначала сговорился / сговорился было с немцами против Витовта и Кестута, но потом поклялся им в верности:

- (17) Супр., л. 90: **внѣ же рече снѡу своѣмоу кнѣзю великому Витовтоу ты мнѣ не вѣрнѣ. а се тыѣ грамоты. записалиса были на на(с). но бѣ насѣ встереглѣ. но га кнѣзю великому ГАгаилоу. ничего не вчинилѣ...и кнѣзь великий ГАнанло. великому Витовтоу. и дади своѣмоу великому кнѣзю Кестоутиню што николи противоу его не стоати** (контекст повторяется в Ув., л. 2);
- (18) Супр., л. 104: **Подольская земля не хотела была. послушна быти кнѣзю великого Витовта. и Литовской зе(м)ли какъ же пре(д) ты(м) послушна была** (контекст повторяется в Ув. л. 45 об.) — Подольская земля не хотела подчиниться Витовту, как это было раньше. Далее сообщается о том, что Витовт ее завоевал;
- (19) Арх., л. 74: **и князь Федо(р) Ко(р)ятович не хотѣ(л) бы(л) слѣжити кнѣзю Витовтѣ со всею землею Подо(л)скою. и кнѣзь Витовтѣ пошо(л) со вѣсѣмъ воиско(м) Литовскимъ к Подо(л)ю...и вси города повер(л) воеводу кнѣзя Феодора поима(л)** — ‘князь Федор Корятович не хотел / не хотел было служить князю Витовту со всей Подольской землей, и тогда князь Витовт пошел со всем литовским войском, завоевал все города и захватил воеводу и князя Федора’.

Таким образом, в ЗРЛ, в отличие от ПЕ и СХ, количество контекстов с антирезультативным значением совпадает с количеством контекстов с результативной семантикой, и говорить о преобладании одного или другого значения на основании исследованного материала нельзя.

3.2.3. Значение давнопрошедшего

Сверхсложную форму плюсквамперфекта с древнейших времен характеризовало значение давнопрошедшего или, в терминологии [Петрухин, Сичинава 2006], неактуального прошедшего (оно зафиксировано уже в берестяных грамотах XII в. [Зализняк 2004: 176; Петрухин, Сичинава 2006: 200–204]). «Отличие этого значения от обычного прошедшего действия <...> — в подчеркивании отсутствия связи с настоящим и, по всей видимости, в эмфатическом выделении данного действия, акцентировании реального факта его существования» [Шевелева 2009: 38].

Если в говорах Центра это значение к XV–XVI вв. исчезает и уступает место антирезультативному, то в ПЕ и СХ оно используется очень ши-

роко [Жукова, Шевелева 2010]. В ЗРЛ, однако, контекстов со значением неактуального прошедшего встретилось лишь 3 (всего 15 форм):

- (20) Супр., л. 87 об. – 88: некто пакъ бы(л) оу великого кнѣзя Улгирда. паровокъ неволны холопъ звали его В(о)идоломь. первое бы(л) пекаромь. потомъ вставили его постелю слати. и водоу давати собѣ пити. и потомъ пакъ **полюбильса быль** емоу **далъ бы(л)** емоу Лидоу держати. и **повель бы(л)** его в добры(х). потомъ по животе великого кнѣзя Улиг(и)рда двѣ ли лѣте минуло. кнѣзь велики Гданло поведеть его велми во высокы(х) и дасть за него сестроу свою ро(д)ноюу кнѣжню Марию (контекст повторяется в Ак., л. 172 об., Вил., л. 439, ЛРП, л. 487, Арх., л. 60; в части примеров контекст представлен в сокращенном виде лишь с двумя или одной плюсквамперфектными формами) — первая часть фрагмента является отступлением от основной линии повествования. Перед этим автор сообщает, что умер великий князь Ольгерд, а далее возвращается к событиям, которые произошли сильно раньше: ‘У Ольгерда был невольный холоп Войдило. Сначала он был пекарем, потом ему поручили стлать постель и подавать питье князю. Потом же Войдило полюбился князю, князь дал ему управлять городом Лидой и возвысил его’. Автор обращается к этому сюжету, чтобы стали понятными сообщаемые далее факты: через два года после смерти Ольгерда великий князь Ягайло отдал за Войдила свою сестру Марию. Плюсквамперфект используется для глаголов, сообщающих о возвышении Войдила, т. е. налицо его выделительная функция, отмечаемая исследователями у сверхсложной формы вообще и в западнорусских памятниках в частности;
- (21) Ув., л. 10 об.: по смѣрти пакъ кнѣзя великаго Кестуотна пошлеть кнѣзь великии Гданло. кнѣзя великаго Витовта во Крво(ж). и женоу. и велить его твердо стеречь в комнату. помцага **Вондила. што были** за него сестроу свою **дали** (контекст повторяется в Ак., л. 177, Вил., л. 444, ЛРП, л. 490 об.) — Войдило был убит по приказанию князя Кестута. После смерти последнего князь Ягайло захватил его сына Витовта с женой, мстя за убийство Войдила, ‘за которого выдал замуж свою сестру’. Для последнего действия используется форма плюсквамперфекта. Оно является давнопрошедшим (произошедшим сильно раньше, чем описываемые события), в то же время представляется важным для пишущего.

Частной реализацией «русским» плюсквамперфектом значения неактуального прошедшего с древнейших времен является функция «сдвига начальной точки» [Петрухин, Сичинава 2006: 201–202]. В таком случае он может обозначать первое звено нарративной цепочки рассказа, отне-

сенного в не связанное с настоящим прошлое, и иметь выделительный компонент, акцентируя внимание читателя на «завязке» сюжета (подробнее см. Жукова, Шевелева 2010). Эта функция плюсквамперфекта, широко представленная в ПЕ и СХ [Жукова, Шевелева 2010], отмечена лишь одной формой в ЗРЛ:

- (22) Супр., л. 27 об.: и тоу оубиень бы(с) и(х) воевода Спиридонъ. и епи(с)ть и(х) и дроугын же Навгородець. Избыславъ Іакоуновичь. син наѣхаль многаждѹ вишасѹ [Нкф. више(с)]. едины(м) торопомь и торо(пм) посече много. не имѣа во сер(д)ци и паде ѿ роукоу его. неколко вси дивиша(с) силѣ его. и храбрости. трети же Иаковъ. Полочанинь ловччи Ѹ кнѣзѹ и бѣ си наѣхаль на полкъ с мечемь и моужествова(л) ѡтгыде. и хвали его кнѣзь — в данном фрагменте рассказывается о погибших и геройствовавших в бою. Первый — воевода Спиридон. Второй — новгородец Избыслав Якунович. Летописец рассказывает о его геройстве и смерти: он сражался с одним топором, многих зарубил, многие пали от руки его, и все удивлялись его силе и храбрости. Третий — полочанин Иаков, ловчий князя. Далее следует рассказ о том, что он сделал в бою. Для обозначения первого действия, т. е. первого звена в рассказе об Иакове, используется плюсквамперфектная форма: он наехал на полк с мечом, геройствовал и уехал, и хвалил его князь.

3.2.4. К вопросу об эволюции семантики сверхсложных форм в западнорусском регионе

Таким образом, в ЗРЛ у плюсквамперфекта преобладают антирезультативное и результативное значения; семантика давнопрошедшего находится на периферии, что отличает язык ЗРЛ от ПЕ и СХ, где значение давнопрошедшего представлено очень широко.

Если принять во внимание отсутствие результативного значения у плюсквамперфекта в тех украинских говорах, где он сохранился [Толстая 2000: 137], а также в польском языке [Kowalska 1976] вместе с тем, что и в украинских говорах, и в польском языке (со среднепольского периода) давнопрошедшее значение широко представлено (см. те же работы), ситуацию в исследованных текстах следует признать более архаичной, чем в ПЕ и СХ: в ЗРЛ преобладает результативное значение, в то время как значение неактуального прошедшего оказывается периферийным. Кроме того, логичным кажется сделать вывод о развитии значения сверхсложных форм от результативного к давнопрошедшему, что согласуется с общепринятыми представлениями об упрощении в восточно- и западнославянских языках

сложной временной системы и исчезновении старых форм, выражающих грамматическое значение результата. Такой же точки зрения на эволюцию значений сверхсложного плюсквамперфекта в русском языке придерживается и М. Н. Шевелева (см., например, [Шевелева 2007]). Это утверждение не противоречит тому, что в берестяных грамотах XII в., а также в древнейших русских летописях сверхсложные формы имеют преимущественно давнепрошедшее значение (на этом основании П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава считают, что «русский» плюсквамперфект исконно не обладал результативным значением и выражал именно неактуальное прошедшее [Петрухин, Сичинава 2006]). Вполне возможно, что перестройка старой временной системы и превращение *-л-*формы в финитную в западном ареале произошло позже, чем в среднерусских и севернорусских говорах. Об этом говорит и то, что контаминированные формы, в которых к *-л-*форме присоединяется показатель лица, взятый либо из аористных форм, либо из глагола-связки, типа польск. *postawylesz, radowalysmy, prawiechmy* и укр. *видѣлєм* (1 л. ед. ч.), *упалесь* (2 л. ед. ч.), *почалихмы* (1 л. мн. ч.), появляются довольно поздно: в польском — с конца XV в. [Ананьева 2013: 245], в украинском — в XVI–XVII вв. [Німчук 1978: 325]. Возникновение таких форм было бы невозможным, если бы к этому времени старая временная система была полностью утрачена и *-л-*форма окончательно превратилась в единственную форму прошедшего времени.

4. Выводы

В ЗРЛ были обнаружены два контекста, которыми можно пополнить список немногочисленных примеров с сочетанием «*быти* + причастие на *-ъш/-въш-*». Рассматриваемая конструкция употребляется в них в перфектном и плюсквамперфектном значениях, что подтверждает гипотезу о существовавшей некогда функциональной синонимии перфекта / плюсквамперфекта и конструкции «*быти* + причастие на *-ъш/-въш-*».

Если говорить о функционировании плюсквамперфектных форм, то следует обратить внимание на несколько контекстов с плюсквамперфектной семантикой, в которых при *-л-*форме находится не вспомогательный глагол в форме аориста от имперфективной основы / имперфекта / перфекта, а форма *бы*. Аналогичные примеры в древних памятниках рассматриваются как архаизмы, в которых представлена форма плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом в аористе. Факт обнаружения таких контекстов в поздних текстах является неожиданным. Возможно, их появление сле-

дует объяснять «смешением» плюсквамперфектного и кондиционального значений, характеризующим отдельные формы в русском языке с XVI в.

Анализ семантики плюсквамперфектных форм и их сопоставление с другими западнорусскими текстами и данными говоров Центра XV–XVI вв. позволяет высказать предположение о развитии значения сверхсложных форм плюсквамперфекта в истории русского языка от результативной семантики к значению давнопрошедшего и о более позднем упрощении временной системы в западнорусском регионе по сравнению с говорами Центра.

Литература

- Ананьева 1994 — *Ананьева Н. Е.* История и диалектология польского языка. М., 1994.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Ермолова 2020 — *Ермолова М. В.* О соотношении -л-форм и причастий на -ѣи- / -ѣи- в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 78–100.
- Жукова, Шевелева 2010 — *Жукова Т. С., Шевелева М. Н.* «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Вопросы русского языкознания. 2010. Вып. 13. С. 171–191.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Карский 1894/1962 — *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.
- Крысько 2011 — *Крысько В. Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М., 2011. С. 798–837.
- Мозер 2002 — *Мозер М.* Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica Hungarica*. 2002. Vol. 47, № 3–4. S. 221–260.
- Петрухин, Сичинава 2006 — *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193–214.
- Плунгян, Урманчиева 2017 — *Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* Перфект(ы) в «Повести временных лет»: три перфектные конструкции // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина). Тезисы докладов. СПб., 2017. С. 124–125.
- Плунгян, Урманчиева 2017а — *Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* Перфект в старославянском: был ли он результативным? // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 13–56.

- Потебня 1888/1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I–II.
- Сичинава 2004 — *Сичинава Д. В.* К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292–312.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Сичинава (в печати) — *Сичинава Д. В.* Древнерусские индикативные формы со вспомогательным *быхъ*: к интерпретации и списку примеров. В печати.
- Скачедубова 2016 — *Скачедубова М. В.* Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М., 2016. С. 280–289.
- Скачедубова 2018 — *Скачедубова М. В.* К вопросу об отражении перфекта на *-ши* в памятниках северо-западного региона // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. № 5. С. 31–36.
- Скачедубова 2018а — *Скачедубова М. В.* Об интерпретации *-л*-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 64–76.
- Смирнова 2011 — *Смирнова Е. А.* «Проста мова» как лингвистический феномен (реконструкция глагольной системы на материале Евангелия Тяпинского). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Толстая 2000 — *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999. [Вып. 14.] М., 2000. С. 134–143.
- Улащик 1985 — *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.
- Хрестоматия по истории русского языка — Хрестоматия по истории русского языка / Авт.-сост. В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. М., 1990.
- Чамярыцкі 1969 — *Чамярыцкі В.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969.
- Чамярыцкі 2005 — *Чамярыцкі В.* Супрасльскі летапіс // Вялікае Княства Літоўскае. Эцыклапедыя у 3 т. Мінск, 2005. Т. 2. С. 645.
- Чамярыцкі 2005а — *Чамярыцкі В.* Летапісец вялікіх князёў літоўскіх // Вялікае Княства Літоўскае. Эцыклапедыя у 3 т. Мінск, 2005. Т. 2. С. 190–191.
- Чернов 1961 — *Чернов В. И.* Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянскими языками. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Л., 1961.
- Шахматов — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л.: 1941.
- Шаяхметова, Жолобов 2017 — *Шаяхметова Э. Х., Жолобов О. Ф.* Функционально-семантические особенности перфектных форм в сборнике XIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 5. С. 1163–1174.
- Шевелева 2007 — *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.

- Шевелева 2009 — Шевелева М. Н. Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 5–43.
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. С. 50–88.
- ПСРЛ, т. 17 — Полное собрание русских летописей. Т. 17. Западнорусские летописи. М., 2008.
- Шевелева 2008 — Шевелева М. Н. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2008, № 2 (16). С. 218–246.
- Німчук 1978 — Історія української мови. Морфологія / ред. В. В. Німчук. Київ, 1978.
- Kowalska 1976 — A. Kowalska. Ewolucja analitycznych form czasownikowych z imiesłowem na *-l* w języku polskim. Katowice, 1976.

Summary

Maria V. Ermolova

On some verbal features in Western Russian chronicles (constructions “*быти* + participle in *-ъи/- въи-*”, pluperfect).

The article analyzes some verbal features in the West Russian Chronicles (XV–XVI cc.). The 1st part examines contexts with the construction “*быти* + participle in *-ъи- / -въи-*”. This construction is extremely uncommon for Old Russian texts, nevertheless the very possibility of its use is very indicative and important for understanding the history of the development of the temporal system in the Russian language. The material of the West Russian chronicles allows to widen the list of contexts with this construction with two more examples.

The 2nd part discusses the features of the functioning of pluperfect forms. Rare forms of pluperfect with the linking verb in the aorist form were found in the West Russian Chronicles which is quite unexpected for the late texts. The article discusses possible explanations for this phenomenon. As for the semantics of the pluperfect forms, all of the basic pluperfect meanings are presented in the analyzed Chronicles: perfectness in the past, anti-resultative meaning, discontinuous past. The comparison of the number of the contexts with these meanings to the material of the other chronicles allows us to draw a number of conclusions about the history of the pluperfect’s development in the Old Russian language and its dialects.

Keywords: Old Russian language, West Russian Chronicles, past active participle, pluperfect.